

К Р О К О Д И Л

ЦЕНА 40 КОП.

№ 1

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
ЯНВАРЬ

ГОД ИЗДАНИЯ XV
МОСКВА

1936

3-470/36

Житѣ стало лучше, товарищи.
Житѣ стало веселее...

(Обложка Л. Бродаты и К. Ротова)

— Замечательно вчера пастух играл.
— На дудке?
— Да нет, на рояле, ноктюрн Шопена.

НОВОГОДНЯЯ ПЕРЕДОВАЯ

Редактор «Фолькишер беобахтер» диктовал стенографистке новогоднюю передовую статью. Он тоскливо смотрел на большие стальные часы, подгонявшие его длинными стрелками, и думал вслух:

— Пишите, фрау Миних: «Мирные перспективы будущего года...» Этого года... Зачеркните «мирные перспективы».

— Совсем, господин редактор?

— Временно, фрау. Я не хочу ссориться с оружейными фабрикантами. Они честные арийцы и готовятся к войне, а мы будем огорчать их недопустимыми намеками. Пишите: «Разнообразные перспективы будущего года и в частности улучшение продовольственного вопроса...» Зачеркните «продовольственного». Можно подумать, что у нас сейчас плохо и население думает о свинине. Пишите: «Любовь населения к руководителям национал-социалистического движения...» Зачеркните «любовь». Любовь и аппетит — это неарийские чувства. «Население» тоже зачеркните. В организованном государстве не стоит упоминать о нем. Оставьте только: руководителей. Написали?

— Написала.

— Дальше. «Дружеские отношения с соседями в наступающем году...» году... году... «Году» — оставьте, «наступающем» тоже можно оставить, «дружеские» выкиньте, «соседей» тоже... Знаете, какие у нас соседи... Оставьте просто «отношения в будущем году»... Прекрасно. Дальше. «Нарастающие волны симпатии к правительству во всех лагерях

и станах...». Очень красивая фраза для новогодней передовой. Почистим только ее немножко. «Волны» выкиньте. Никаких волн мы не допустим. «Нарастающие» выбросьте. Никаких нарастаний без распоряжения министерства пропаганды не нужно. Так... Одним словом, оставьте только: лагеря. Лагеря будут. Дальше, фрау Миних, пишите: «Предстоящий в этом году расцвет науки и искусств...» Искусств... Науку можете выкинуть. Политическая экономия — тоже наука, а кому она нужна при продовольственном кризисе? «Искусств» зачеркните. Мало ли еще кто уедет в этом году. Оставьте просто: «Предстоящий расцвет». Годовые подписчики догадуются, а розничным покупателям могут объяснить в полиции. Готово?

— Готово, господин редактор.

— Теперь что-нибудь насчет воспитания и быта. Пишите, фрау: «В этом году наша молодежь покажет нам...» Быстрее зачеркивайте, фрау... «В этом году мы покажем нашей молодежи...» Что же вы остановились, фрау Миних? Пишите, что мы покажем нашей молодежи.

— Я не знаю, господин редактор.

— А я знаю? Зачеркните. Давайте теперь какие-нибудь эффектные фразы. В новогодней передовице должны быть эффектные фразы. Может, помните какую-нибудь подходящую цитату?

— Мой дедушка, господин редактор, всегда вспоминает какую-то древнюю пословицу: «Сосиски и пиво — очень красиво».

— Неарийская красота. Скажите старику, чтобы не говорил вслух антигосударственных лозунгов. Надо что-нибудь из Библии.

— Насчет Ирода, или помягче?

— Помягче. Лучше даже из какой-нибудь другой популярной книжки. Есть! Пишите, фрау: «Итак на земле мир и в человеках благоволение». Прекрасная евангельская поговорочка... Написали?

— Написала.

— Прекрасно. Зачеркните «мир». «На земле» — тоже. Разные земли бывают. Не стоит. «В человеках» оставьте, только поставьте в скобках «кроме евреев». Поставили? Теперь зачеркните все... Зачеркнули?

— Зачеркнула, господин редактор.

— Благодарю вас, вы свободны.

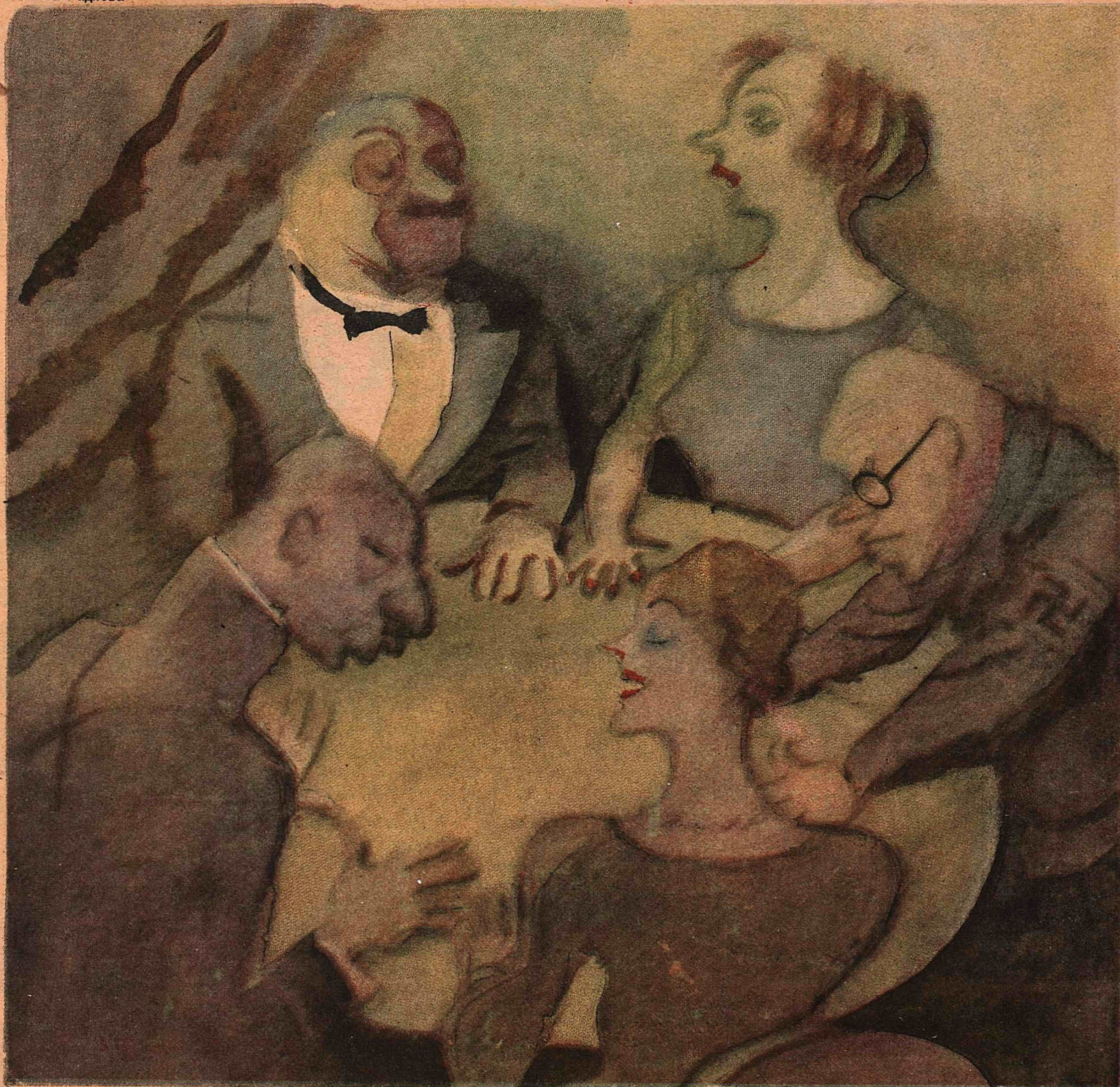
Редактор тяжело опустился в кресло и тусклым голосом добавил:

— Теперь сойдите вниз и скажите секретарю, что новгородной передовицы не будет... Пусть пойдет коротенькое заявление от редакции на последней странице:

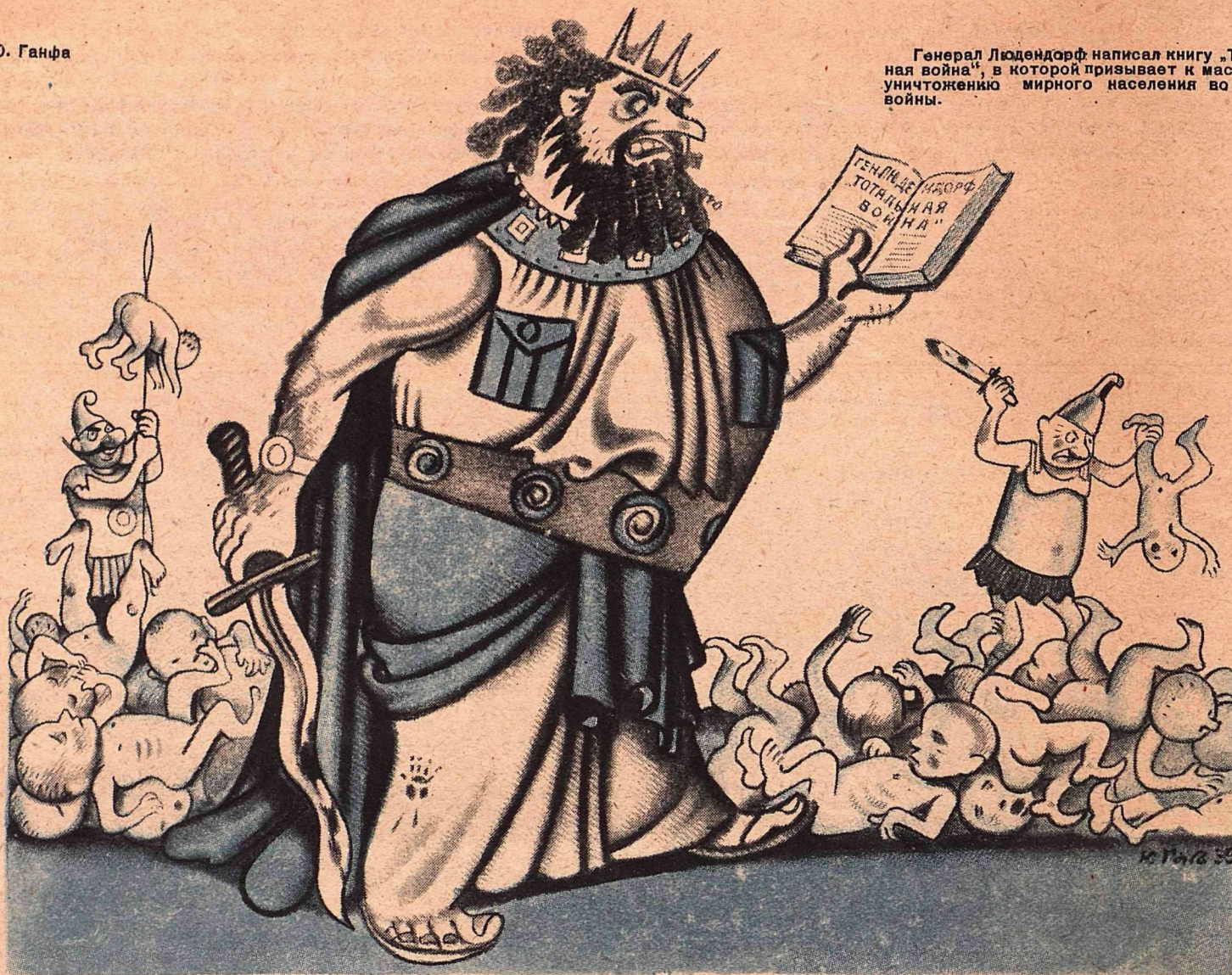
С РАЗРЕШЕНИЯ МИНИСТРА ПРОПАГАНДЫ РЕДАКЦИЯ „ФОЛКИШЕР БЕ-ОБАХТЕР“ ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПОЗДРАВИТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ-АРИЙЦЕВ С ВОЗМОЖНЫМ БУДУЩИМ ГОДОМ.

СПИРИТЫ ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ

Рис. Н. Радлова

— Придется прекратить наши сеансы. Из духов удастся вызвать одного Бисмарка, остальные боятся появляться после того, как Мейер и Шульц пытались арестовать и избить дух Спинозы за то, что он при жизни был неарийцем.

ЦАРЬ ИРОД:—Ну это уже старик Людендорф, кажется, хватил через край.

ГИБЕЛЬ ПОЭТА

Вовка Лобзиков, ученик гretchego класса, худенький мальчик с большими прозрачными бледнорозовыми ушами (они казались вырезанными из промокательной бумаги), постоянно в кого-нибудь влюблялся. Такая уж у него была натура! Последней его страстью был дворник Пахомыч, ради которого он изменил соседкиному фокстерьеру Джиму.

В выходные дни Вовка часами простаивал в подворотне, не спуская обожающих, восторженных глаз с Пахомыча, который подметал тротуар с видом короля, привлеченного к трудовой повинности.

Налибовавшись Пахомычем вдосталь, Вовка, заикаясь от волнения, говорил дворнику:

— Как вы замечательно метете!

— Метем, как можем. Куришь?

— Нет.

— Жаль. А папаша курит?

— Папа курит. Скажите, если на вас три фашиста нападут, вы с ними справитесь, да?

— Уж будь покоен, не пикнут. Ты бы пошел стрельнул для меня у папаша папироску. Больно покурить охота.

Вовка убежал и через пять минут вручал предмету своей страсти три папиросы, украденных из отцовского стола. Пахомыч говорил «спасибочко» и даже позволял Вовке отнести в дворничью метлу.

Страсть к Пахомычу прошла в тот роковой день, когда отец поймал Вовку на месте преступления с двумя папиросами, зажатыми в потном кулаке. Произошло бурное объяснение, в результате которого Вовка был лишен праздничного кинематографа. Любовь к дворнику растаяла как дым, как

утренний туман. И тогда место Пахомыча в вогкином сердце прочно занял Семен Катавасин, ученик шестого класса.

Семен Катавасин был здоровый четырнадцатилетний переросток с румяными лоснящимися щеками и низким лбом, густо покрытым прыщами различных оттенков. Все в школе знали, что Семен Катавасин пишет стихи и намеревается стать знаменитым поэтом.

Многие мальчики в школе тоже писали стихи, но они писали про Красную армию, про парашютистов, про капитана Воронина, про водолазов. А Семен Катавасин сочинял про необыкновенное и преимущественно в трагическом тоне.

«Эх, ничего мне не надо,

Эх, ничего мне не жаль.

Я уж отцвел уж — наградой

Будет мне смерти вуаль».

Успехом Семен Катавасин не пользовался. Вернее будет сказать, что он пользовался неуспехом. Школьный критик Юра Пильзен здорово проработал Катавасина в стенгазете, в статье под названием «Запоздалый аппендицит есенинщины». Юра Пильзен хотел сказать «рецидив», но перепутал слова, а редакция не заметила ошибку и пропустила.

Ученики смеялись над поэтом-трагиком из шестого класса, на переменах он ходил по коридорам один, бормоча себе под нос стихи про вуаль. Ловкие второклассники, пользуясь рассеянностью Семена Катавасина, прищипливали поэту на спину небольшие плакатики:

«Бейте меня!»

И пробегавшие мимо мальчики, прочтя плакатик, охотно выполняли эту незамысловатую просьбу.

Семен Катавасин понравился Вовке главным образом из-за его прыщей. У Вовки на лице не было ни одного прыщика, и это обстоятельство угнетало его ужасно, в особенности когда он любовался лбом Семена Катавасина, на котором прыщи сидели плотно и бодро, как воробьи на заборе. Он даже как-то попросил мать:

— Мама, дай мне какой-нибудь мази для прыщей.

— Дурачок, — сказала мать, целуя гладкую и чистую вовкину физиономию, — у тебя же ни одного прыщика нету.

— Вот ты мне и дай такой мази, чтобы они выскочили. Мама, если б ты только видела, какие прыщи у Катавасина, который в шестом классе стихи пишет! Мальчишки говорили, что у него даже фурункул есть. Мама, дай мази. Ну хоть чуточку. Ну хоть на три прыщичка!

Объяснение с Катавасиным произошло на перемене после урока арифметики. Поэт стоял у окна и по обыкновению бормотал стихи. Вовка подошел к нему и робея сказал:

— Прочтите мне, пожалуйста, что-нибудь из вас. Мне ужасно нравятся ваши стихи.

Поэт из шестого класса недоверчиво посмотрел на Вовку, но стихи все-таки прочел:

«Опять я остался один.
Ночь черною кошкой мяучит.
И ветер, касаясь седин
Моих, сердце мне мучит и пучит».

— Замечательно! — сказал Вовка. — Гораздо лучше Пушкина. Гораздо! Я тоже пишу стихи. Вчера написал про нашего дворника — Пахомыча. Можно прочесть?

— Прочтите, — снисходительно сказал поэт.

Вовка побледнел и прочел:

«Пахомыч двор метет метлой,
Но лучше б мел он бородой».

— Ничего, — похвалил Семен Катавасин, — вроде эпиграммы. Будьте моим подражателем, Лобзиков.

Вовка с восторгом согласился стать подражателем и в ту же секунду почувствовал, что не может жить без Семена Катавасина. Так началась эта новая страсть.

На переменах они стали ходить вместе. Плакатик «Бейте меня!» второклассники прицепляли теперь и на вовкину спину, но из любви к Семену Катавасину он мужественно сносил лишения и удары.

Однажды Семен Катавасин завел Вовку в раздевальню и, оглянувшись, сказал шепотом:

— Отвечайте, Лобзиков. Вы мне действительно друг? Поклянись своей могилой, что вы сделаете для меня все, что я попрошу.

— Клянусь! Своей могилой!

— Я решил покончить с собой, Лобзиков. Как Есенин. Тогда я сразу стану знаменитым поэтом. Я хочу отворить себе вены. Так делали древние римляне. Я читал!.. Не плачьте, Лобзиков! Когда я умру, вы напишете обо мне воспоминания.

— Я вас очень, очень прошу, — сказал Вовка, глотая слезы, — пожалуйста, не отворяйте себе вены. Носите их закрытыми. Ради меня!

— Нет, нет. Довольно. Я уж отдвел уж. Наградой будет мне смерти вуаль. Слушайте, Лобзиков, я присмотрел у одного мальчика специальный кинжал для отворения вен, но он стоит 15 рублей, а у меня только 8 рублей 65 копеек. Достаньте мне 6 рублей 35 копеек, если вы мне действительно друг.

Мучительная душевная борьба исказила бледное лицо Вовки Лобзикова. Затем, всхлиывая и содрогаясь, он вынул из кармана штанов коробочку из-под монпансье, в которой хранил свои сбережения, и подавая Семену Катавасину деньги, прошептал:

— Вот! Здесь 7 рублей 26 копеек. Копил на коньки. Берите!

— Спасибо, Лобзиков, спасибо! Сейчас же смотаюсь за кинжалом и...

— Катавасин! — отчаянно крикнул Вовка. — Ради бога. Не отворяйте!

— Поздно. Я уж отдвел уж!

Следующий урок был география. Вовка сидел как на иголках. Его вызвали к карте. Он показал Абиссинию где-то возле Северного полюса, зарыдал и попросился выйти.

Через двадцать минут Вовка Лобзиков с пионервожатым Костей Орликовым ехал на трамвае на Таганку, где жил поэт Катавасин и, размазывая слезы по щекам, бубнил:

— Он сказал... что только смотается за кинжалом. Костя, попросите вагоновожатого, чтобы он ехал скорее.

Вот и дом Семена Катавасина. Одним духом они вбежали на третий этаж. Позвонили. Дверь отворила домашняя работница с сердитым и сонным лицом.

— К Семену? — сказала она. — Проходите.

— Он... дома?

— Дома, дома. Прибег чего-то из школы.

Опередив Костю Орликова, Вовка раскрыл дверь в комнату поэта и окаменел на месте.

Семен Катавасин сидел за столом и, громко чавкая, поедая громадный сливочный торт, кромсая его перочинным ножом. Даже прыщи на его лбу были измазаны кремом. Тут же стояли коробка с конфетами и графин воды.

Увидев гостей, трагик почему-то покраснел и, отодвинув коробку с тортом, пролепетал, мучительно икая:

— Здравствуйте... ик!.. Орликов. Я... у меня... голова заболела, я... ик... ушел домой.

— А где ж кинжал? — спросил потрясенный Вовка Лобзиков.

— Не продал.. тот мальчик. Ик!.. Вы не беспокойтесь, Лобзиков. Ик!.. Я... это самое... завтра отворю. Куда же вы? Скушайте конфетку.

На улице Вовка Лобзиков сказал Косте Орликову голосом, в котором звучали слезы настоящего горького разочарования:

— Я же ему коньковые деньги отдал! Тоже мне, римлянин! «Я уж отдвел уж». Халтурщик несчастный!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЕСТЬ ЧЕМ ПОХВАСТАТЬ

Рис. Л. Генча

— У меня папа — кривоносовец, мама — стахановка, тетя Настя — виноградовка, дядя Петя — сметанинец!

— А у меня зато по всем предметам отлично!...

МИЛЫЕ ХИТРЕЦЫ

На скамейке в Александровском саду я нашел дамскую сумочку. Сумочка потрепанная, старенькая, в ней: карандаш, пудреница и несколько исписанных листков, вырванных, очевидно, из дневника.

«1 июня 1935 г.

Сегодня отец сказал мне, что я поеду в Москву учиться, что он написал письмо племяннику моей матери с просьбой приютить меня и что он получил положительный ответ.

— Они живут под Москвой, — сказал он мне, — в Малаховке, тебе у них будет хорошо. Думаю, что эта Малаховка не меньше нашего городишки.

У него, как всегда, любовь к сравнениям. Он никогда не был в Малаховке, но все же довольно подробно и красочно мне о ней рассказал. Он рассказал мне и о моих родственниках Мириновых очень подробно, а вечером выяснилось, что он никогда их не видел. Отец всегда рассказывает небылицы, но никто не посмеет назвать его лгуном. Он не лгун, он мечтатель. Я присутствовала на его партийной чистке. Там он говорил чистую правду. Он рассказывал о подпольной работе, о своей скитальческой жизни. Он рассказывал три часа, и весь зал слушал, зажав дыхание. Вот какая была у него жизнь! Зачем же, спрашивается, он фантазирует? Разве мало ему того, что он в действительности видел? Станный он человек. Я, впрочем, пошла в него, я тоже странный человек, и матери нашей от нас здорово достается. Она вот у нас простая. Обожает отца и меня, все нам прощает, а мы над ней смеемся. Она как будто бы видит это, никогда на нас не злится. Очень добрая женщина, но хитрая ужасно. Отец и я бесхитростные люди, мы простые люди, и мать всегда нас водит за нос.

В домике нашем угасает лето. Газеты, которыми мать прикрывает от солнца картины, высохли, почернели и облетают. Домик наш очень старый: отец утверждает, что ему двести лет. Мне кажется, что если это так, то тогда и мне двести лет. Я живу в нем всю жизнь. Мне осенью исполнится восемнадцать лет. К этому времени я уже буду вузовкой, буду жить в Москве и настоящая у меня появится родина. Ведь только тогда, когда уезжаешь с родины, чувствуешь, что она у тебя есть. Откровенно говоря, я с удовольствием напишу письмо на родину. Сейчас появилось такое желание. Бумага и перо у меня под рукой.

«Дорогие отец и мать! Из далекой Москвы пишу я вам. Наш старенький дом, тихая улица наша перед моими глазами, заросший травой наш двор. Почему, почему, почему я так была равнодушна к этому, когда жила дома? Чего бы я, кажется, только ни отдала теперь для того, чтобы поглядеть на все это...»

Входит отец и прерывает меня.

— Слушай, Тоня, — говорит он решительно. — Вот ты скоро уезжаешь, будешь жить в Москве. Что там ни говори, а скучать будешь. И, конечно, письма тебе писать придется. Это факт. Написать письма ты, Тоня, конечно, не умеешь. Я человек занятой, мне возиться разбирать, читать, конечно, не приходится, а мать, та совсем не поймет, она у нас простая женщина. У меня сейчас как раз час свободный, вот я, вместо того чтобы отдохнуть, решил тебе помочь в

этом деле. Написал для тебя, так сказать, типовое письмо. Так и будешь писать.

Он не глядит мне в глаза, хитрец. У него гордое смуглое лицо. Он стал худ, он облетел как одуванчик. Я помню его еще очень полным, шикарным, с черными пушистыми усами.

— Ну и что же? — говорю я равнодушно, прикрывая тарелкой мое писание.

— Примерно так, — говорит он и вытаскивает из кармана исписанный листок.

«Дорогие мои родители, — читает он. — Здравствуйте. Я очень по вас скучаю. Тут в Москве мне живется очень хорошо. Москва — необыкновенный город. Разве можно удержаться, чтобы не описать его?..»

Лицо отца самодовольно, стекла очков победно блестят. В сущности, он неплохо пишет для слесаря, занимавшегося лишь самообразованием. Он сейчас очень доволен собой, хитрец.

«Москва — необыкновенный город, дорогие родители. Миллионы людей живут в нем. Гудят заводские гудки, режут аэропланы в небе, стучат трамваи и автомобили...»

— Автомобили не стучат, — вставляю я, как могу, ехидно.

— Ты думаешь? — отец на минутку смущен. — Стучат трамваи, режут автомобили.

— Предположим, — говорю я не менее ехидно.

«Ветра здесь нет. Дома заперли его раз и навсегда. Боже мой, как я соскучилась по нашим ветрам...»

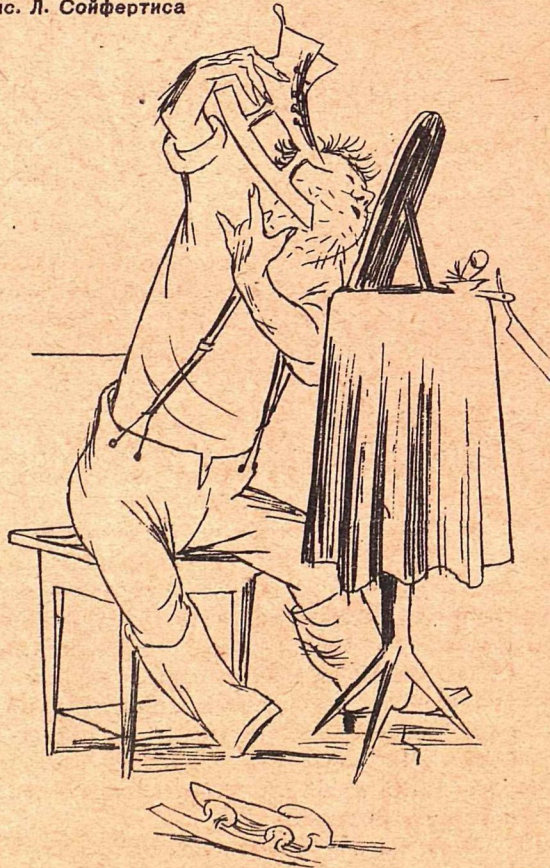
Он читает долго. Я слушаю внимательно. Мне начинает нравиться его письмо.

— А вот уж заодно, — говорит он как можно равнодушно, — и я тебе пишу:

«Дорогая дочь. Получили мы с матерью твое письмо. Очень оно нас обрадовало. Видно, ты очень развилась и поумнела благодаря учению. Твое письмо было очень интересно прочесть. Когда это ты научилась так хорошо писать? Великолепно очень ты описала нам Москву...»

УКОР МОСШТАМПУ

Рис. Л. Сойфертиса

Туалет конькобежца.

В комнате темнеет. Отец уходит. Он очень доволен собой. Почерневшая газета, которой аккуратная мать покрыла мою этажерку, вздрагивает. Газете этой уже много лет. «Мы выполним первую пятилетку в четыре года», — написано в ней. Темнеет небо за окном. Сгущаются сумерки. Маленький мой фокстерьер «Комик» влетает в комнату. Он молод, весел и быстр. Он терпеть не может сумерек и лает на потемневшие углы, он пытается разогнать сумерки, как разгоняет кур во дворе, он задерживает день на несколько лишних минут...»

На этом обрывается дневник.

Зима. Ветер рвет сугробы. Снег взлетает все вверх, все вверх, и кажется, что он не падает вниз. Метель. Немного кружится голова. Интересно, в каком направлении пошла эта девушка. Метель скрывает ее. Через метель к ней не проберешься. Посижу еще немного на скамейке, может быть, Тоня вернется за сумочкой.

КОНСТАНТИН ФИНН

Я СТОЮ НА КРАЮ ФИНАНСОВОЙ ПРОПАСТИ

В АРИСТОКРАТИЧЕСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

Рис. Б. Малаховского

Когда б мне ни встретился этот писатель, о чем бы мы с ним ни толковали, он всегда успевает заметить, что денежные дела его скверны:

— Я беден. Я стою на краю финансовой пропасти.

Нас это не удивляет. По нашим расчетам он давным-давно должен был свалиться в эту несимпатичную финансовую яму. Вот уже пошел двенадцатый год после первой написанной им книги, с тех пор, как говорится, ни одна строчка не вылилась из-под его пера.

— На какие же средства вы живете? — спросили мы его, стараясь проникнуть в святая-святых писателя.

— То да се, — ответил он довольно невнятно.

Мы стали выяснять подробней, что такое «то и се». Во-первых, это бригадный метод работы. Писатель ездил в Узбекистан, Туркменистан, Казакстан, Дагестан. Нет ни одного дома отдыха для ответственных работников в наших республиках, где бы он не побывал. Он насыщался пейзажами, словечками, характерными танцами, национальными блюдами.

— А что-нибудь написали?

— Что вы, — обиделся писатель. — Я не скоропалительная пушка. Надо сначала переварить материал.

— Но ведь вы его уже очень давно перевариваете...

— Я не скоропалительная пушка, — настойчиво повторил писатель. — Вот переварю, тогда напишу...

— Хорошо. Значит, национальные республики — это «то». А что же «се»?

— «Се» — это все остальное. Если б не «се», мне бы не вылезть из финансовой ямы. «Се» это, во-первых, наркоматы. Они тоже безумно любят писателей, у них тоже замечательные дома отдыха. Чудные дома отдыха! Чудные пейзажи! Прямо, надо сказать, выросли наши наркоматы.

— И тоже бригадным методом работаете?

— Приходится. Одному не поднять такой богатый материал... А еще в «се» входят воспоминания.

— А это что такое?

— Воспоминания. Выступаю в клубах и рассказываю, как я работал над своей первой книгой. Как я собирал материал, как я его вынашивал, как я его переваривал. Раскрываю, так сказать, свой творческий метод.

— И хорошо платят?

— Неплохо, неплохо... Правда, устает — надоедает одно и то же рассказывать. Вот, думаю, сейчас с воспоминаниями переключиться и начать рассказывать, как я собираюсь работать над второй книгой. Как я собираю мате-

— Ужасный мезальянс, душечка! Наша Дездемона вышла замуж за какого-то хряка без роду и племени...

риал. Как я его вынашиваю, как я его перевариваю. Я думаю, это будет интересно? Ведь моя вторая книга должна быть очень интересной.

— А почему вы в этом так уверены?

— Ну как же... Правда, еще не знаю, о чем я буду писать. Но туда войдут материалы узбекстанские, туркменистанские, дагестанские, таджикстанские... Одни пейзажи чего стоят! Это будет очень интересная книга. Я уверен. Как найду идею, сразу сяду за работу... Но пока мне плохо. И «то» и «се» кончаются, и я стою на краю финансовой пропасти.

— А вы бы чего-нибудь написали, — посоветовали мы несмело... — Чего-нибудь в газете написали б.

— Ну что вы, в газете... Стану я

размениваться по мелочам, — обиделся писатель.

— Отчего же... Достоевский разменивался. Антон Павлович разменивался.

— То, что приемлемо было для капиталистического общества, неприемлемо для нас. Понятно? Вы бы еще привели пример из эпохи первоначального накопления, — строго заметил писатель, посмотрел на нас снисходительно, помахал ручкой и исчез.

Мы недолго смотрели ему вслед и подумали:

«Хорошо бы как можно скорее этого немолодого, еще не совсем бездарного писателя столкнуть в эту финансовую бездну: авось, он еще что-нибудь напишет».

Б. ЛЕВИН

СЕМНАДЦАТАЯ ПРОФЕССИЯ

Иллюстрации К. Ротова

— Сыщиком в Филадельфии я был всего четыре дня, — сказал Дик Алиссон, сковырнув грязь с подметки, — на пятый меня выкинули, как крысу из погреба. И обещались переломать ноги и еще что-то, чего я уже не дослушал.

Это была вообще очень запутанная история, и напрасно вы ей интересуетесь. Ничего поучительного, и только одно невезение.

Рано утром я зашел в частную сыскную контору братьев Рипп и попросил, чтобы ко мне вышел хоть один из братьев.

Какой-то человек, похожий на лису после второго завтрака, сразу швырнул меня по-деловому:

— Братья Рипп умерли в 1891 году. Дело ведут их наследники. Если вы хотите, чтобы вас вышвырнул именно один из них, а не простой служащий, — я могу провести к главному директору конторы. Что вам вообще надо?

Я почувствовал, что тесной дружбы с этим человеком мне все равно сразу не наладить, и выложил свое предложение:

— За последнее время я перепробовал шестнадцать профессий, включая сюда кражу зонтов во время народных гуляний. Нельзя ли устроить так, чтобы семнадцатой оказалась профессия сыщика? Я умею ходить, молчать, стрелять и слушать. У меня крепкие ноги, а вот этим кулаком я легко вколачиваю шестидюймовые гвозди в доску.

— Из вас, повидимому, вышел бы прекрасный молоток, — сказал он, выслушав мою последнюю фразу, — но для сыщика, особенно в нашем предприятии, нужно еще кое-что другое. Вы не социалист?

— Избави господи, — покачал я головой. — Я не настолько молод, чтобы исповедывать бесплатные убеждения. Я люблю закон и порядок. Особенно такой закон, который меня не очень преследует, и такой порядок, при котором я могу обедать и ужинать с пивом.

— Хорошо, — сказал он, подумав. — У нас есть кое-какая работа. Если вы не окончательно глухи, вы сможете на ней продержаться и зарабатывать по два доллара в день. Документы у вас какие-нибудь есть?

— Временно у меня нет ни пригородного особняка, ни собственного авто, ни документов. Сейчас я располагаю только фамилией Дика Алиссона, доставшейся мне по дружбе от одного парня, сидящего в тюрьме под случайным псевдонимом.

— Чорт с вами! — быстро согласился он. — Получайте задаток и кое-какие инструкции.

Работа оказалась простой, как пенье

канарейки. Я должен был служить швейцаром в ресторане «Гренада» на Ковбой-Сити, слушать, что говорят посетители, помогать агентам сыскной конторы братьев Рипп вылавливать каких-то подозрительных типов, а также хватать бандитов в случае полицейских облав.

Первый день я служил с апетитом. Я снимал с джентльменов, посещающих этот темный ресторанчик, мокрые пальто и следил за их зонтиками и шляпами. В одном из вверенных мне карманов я даже нашел скомканную пятидолларовую бумажку и серебряный портсигар, из чего понял, что приработки к основному жалованью мне обеспечены.

На второй день служба показалась монотоннее и я уже стал прислушиваться к тому, что говорят кельнеры и посетители, а также присматриваться, не мелькнет ли где-нибудь, как суслик из норы, один из тех бандитов, которых я должен ловить.

— У нас сегодня кислый вечер, — позевывая, сказал мне второй швейцар, — почти все столики заняли кондуктора автобусов. Ребята затевают какую-то стачку и будут до ночи шептаться и требовать дешовое пиво и вторые порции картофеля к сосискам. Видел? Прошел один такой долговязый, в серых штанах. Это их главный. Хороший парень, но, к сожалению, от них всех как от посетителей такой же толк, как от мокрицы в бульоне.

«Значит, сегодня спокойный вечер, — решил я, — одни кондуктора и никаких бандитов. Можно спокойно покутить и поиграть с кельнерами в кости около кухни».

Но ни играть, ни курить не пришлось. Через полчаса в швейцарскую вмазался какой-то чернявый парнишка с глазами, как у кролика, и, поймав меня за рукав, тихо шепнул:

— Дик Алиссон? Номер три ночь два? Имей в виду, что сегодня к полночи, здесь будет облава. Возьми глаза в зубы и будь готов. Бери, кого укажет инспектор, и не рассуждай. Понял?

— Ага. Не маленький. Понял. И что же вы думаете? У конторы

братьев Рипп дело поставлено как надо. Не пробило еще и двенадцати часов, как в подъезд вошел этакий мясистый дядя в коричневом костюме, с пухлой пудреной мордой и весь осыпанный брелоками, как собака ресьями.

Кельнера сверху с лестницы посыпались в швейцарскую, как гнилые груши с дерева, второй швейцар взял у него палку, точно она была из хрусталя, и все так кланялись, что вот-вот могли переломиться.

— Видел? — подмигнул мне швейцар. — Сам Джек Кирт. И совершенно один. Вот это человек.

— Не гуди в ухо, — остановил я его, — а кто этот самый Джек Кирт?

— Идиот, — усмехнулся швейцар. — Ты не знаешь Толстого Джеда? Хозяина нашего района? Этот толстяк стоит три миллиона. У него больше сорока человек одной шайки. Третьего дня молодцы Джеда ухлопали вот тут на углу двух парней из шайки Слипфера, который ограбил Северный банк. Говорят, что одного из молодцов Джек угробил собственноручно из пистолета...

«Здорово, — подумал я, и у меня мускулы заходили под рубашкой. — Контора братьев Рипп не даром мне платит деньги. Сегодня я покажу, какой я работник».

Прошло еще с полчаса. Толстый Джек уже назаказал с полдюжины шампанского и поил каких-то тощих девиц с хриплыми глотками. Не успел я сбегать на кухню за кружкой пива, как подаялся бог знает что.

Человек тридцать полицейских ворвались в ресторан, бросились вверх по лестнице в зал, и свет сразу погас. Крики, выстрелы, посуда бьется, как мишенькая, — и что же вы думаете: совершенно спокойно спускается сверху мимо полицейских этот самый бандит Джек Кирт и выходит на улицу.

— Погоди, — говорю я себе, — я тебе не полицейский. Эти коровы могут проспать у себя под носом кого угодно, но не будь я Джеком Алиссоном, если ты у меня уйдешь.

Короче говоря: короткий удар сзади по черепу на втором углу от ресторана, и молодчик не успел даже схватиться за пистолет. Я впихнул его в такси, там помаял еще, чтобы он был спокойнее, и уже через двадцать минут внес его в сыскную контору братьев Рипп.

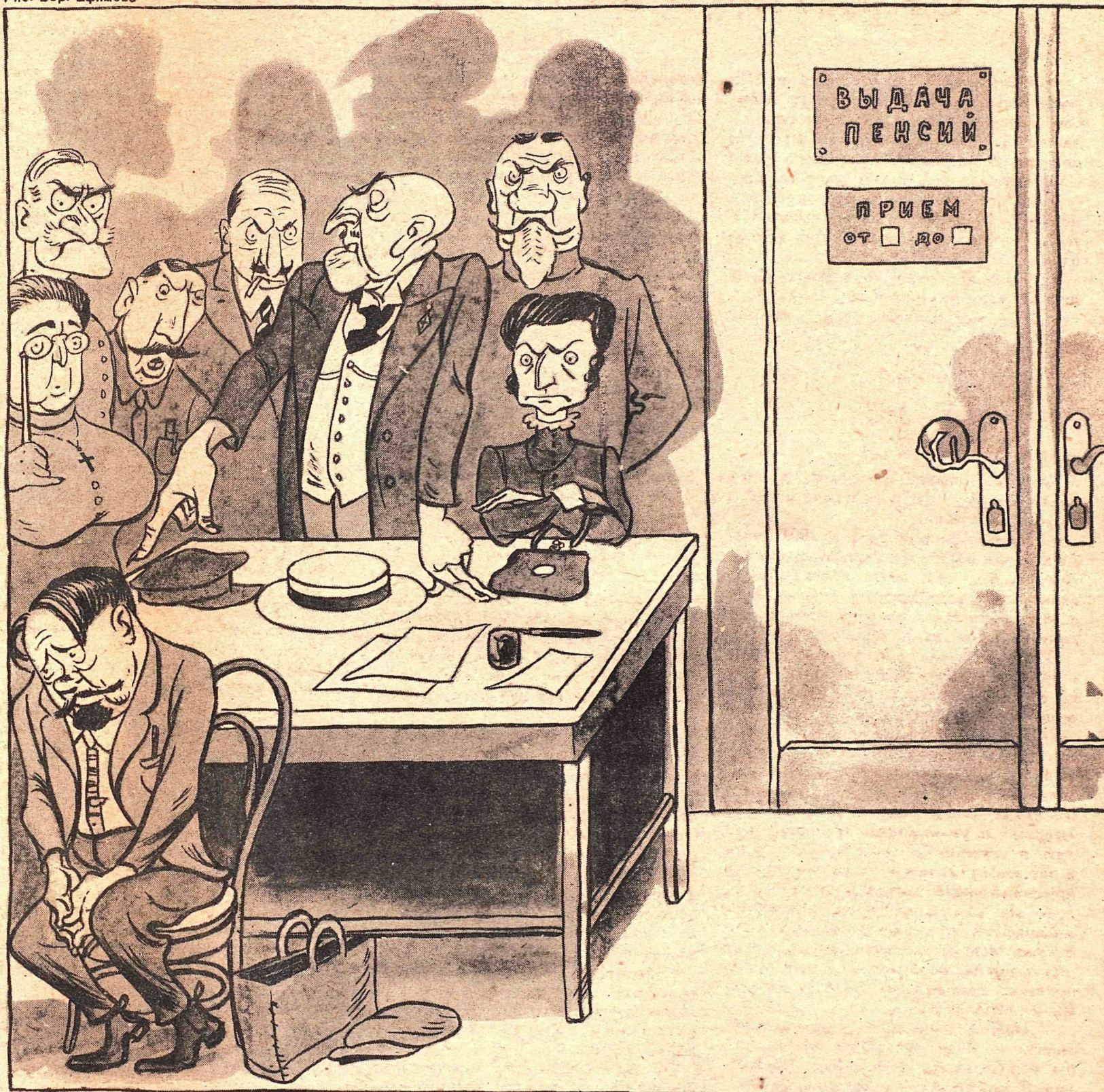
Вид у него был, как у селедки, которую мешали в цементном котле.

— Получайте, — сказал я человеку, похожему на лису. — Бандит в вашем распоряжении.

Тот наклонился над моим пойманным

ТРЕВОГА В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛСТРАХКАССЕ

Рис. Бор. Ефимова

— Господа дворяне! Надо быть бдительными. Среди нас затесался один купец..

Пусть читатель не удивляется, какие это дворяне и при каких обстоятельствах выражают они свой протест против затесавшегося в их ряды купца-одиночки. Самые подлинные дворяне, товарищи. И даже их превосходительства. И даже с полицейским стажем. И все они пенсионеры, обогреваемые щедрой внеклассовой рукой Харьковской облстрахкассы, каковая числит среди них и колчаковского министра Цислинского, и полицейского Мишустина и бывшего смотрителя зрянской тюрьмы Педашко, и кулцов Сангурского, Рубановского, Рохлина, и прочая и прочая... И что самое удивительное— даже после вскрытия сих дел в Харьковской облстрахкассе обогреватели, поителы и кормители подобных пенсионеров все еще сидят на своих местах.

толстяком, вдруг захрипел и повалился на стул.

— Мерзавец! — выдавил он из себя, как клей из трубки. — Кого ты поймал? Что ты сделал с нашим уважаемым клиентом? Так ты обслуживаешь наших лучших заказчиков?

Признаюсь, мне стало немного не по себе. Кажется, я чего-то не понимал.

— Подлец! — без особой ласки прошипел он. — А где тот? Где этот проклятый кондукторский вожак? Что с ним?

— А чорт его знает! — буркнул я. — Разве за всеми усмотришь? Наверное, ест сосиски в другом ресторане. У нас сегодня слишком шумно для личного посетителя.

Выкинули меня из незнакомого под'езда. Еще два дня я считал себя служащим частной сыскной конторы братьев Риш, потому что меня вызывали туда и били под лестницей. Мне это так не понравилось, что я окончательно плюнул на свою семнадцатую профессию.

Арк. БУХОВ

НОВЫЙ И СТАРЫЙ ГОД

В детстве я долго не мог понять, почему Старый Год рисуют до того дряхлым.

Он стоит под часами, поставленными на двенадцать, жалкий и сторбленный, побрякивая своими костями. А рядом с ним — Новый, пухлый мальчишка, указывающий ему нахальной ручкой на дверь. Мне было жаль «дедушку».

Но я не понимал, как он за один год мог так состариться, когда я, будучи четырех, еще сохранял все соки.

Почему он был такой старый? Я это понял позднее, задним числом, когда подошла революция.

Ошибка старых художников была не в том, что они рисовали прошедший год старым. Он был действительно старым. Но и сменявший его Новый Год был только чуть-чуть моложе.

Старик прогонял старика, как один ветхий старьевщик гонит другого, копающегося в его мусорной куче.

Поэтому, когда люди, встречавшие Новый Год, поднимали бокалы и обращались к вам:

— С Новым Годом!

И вы отвечали, делая содержательное лицо:

— С Новым Счастьем!.. —

все понимали, что никакого нового счастья не будет.

В ресторанах в двенадцать часов играли «Боже, царя храни», и все вставали. Иначе вам бы свистнули по уху.

Вставать никому не хотелось, было противно; даже тем, кто родился с призванием свистать людям по уху.

Потом поднимали бокалы и поздравляли друг друга.

Бойкие люди говорили речи, заканчивали их так:

— С Новым Годом, господа. С Новым Счастьем.

На слове «новом» модные адвокаты делали ударение. И если бы самого «левого» из них в этот момент вскрыли или просветили рентгеном, у него между котлеткой «маршал» и салатом «оливье» обнаружился бы призыв к свержению государственного порядка, при условии сохранения за адвокатом полного гонорара.

Новый Год приползал уже старым, и самое большее, что он мог сделать для большинства, — это не принести ему новых несчастий.

Все это я вновь ощутил, беседуя с моим верным другом Ниночкой. Ей столько же лет, сколько мне было тогда, когда я чувствовал жалость к бедному Старому Году, и она томилась теперь той же грустью.

— Почему этот дедушка такой старый? — спросила она и протянула страницу, вырванную ею из журнала. — Ему сколько лет?

— Один год, — честно сказал я.

— А мне четыре. Нет, мне уже даже пятый... — она взялась обеими руками за платье, напрашиваясь на сравнение. — Почему дядя нарисовал его таким старым?.. А этот вот ма-аленький, — она показала на карапузика, принесшего мандат Нового Года. — А ты умеешь так рисовать?

— Я нарисую лучше, — сказал я.

И выбрав в ее коробке пару карандашей, зеленый и красный, нарисовал молодого человека, анфас, в мягкой шляпе, под которым напечатал крупно:

«Стахановец».

— А где Старый Год?

Я нарисовал другого молодого человека, в кепке. Он уходил, заложив руки за спину.

— Старый Год, — отрекомендовал я.

Она внимательно осмотрела рисунок. Потом поглядела на старика из журнала и с подозрением спросила.

— А почему твой Старый Год такой свежий?

— Такой уж он у меня хороший, — самонадеянно сказал я. — Я хорошо рисую.

Но она задумалась.

— А этот дедушка завтра помрет? — спросила она, показывая на Старый Год, выданный из журнала.

— Помрет, — сказал я. — Мы его сожжем в крематории, — я начинал смекать, куда она клонит. — Ему там будет тепло, жарко.

— А этот твой Старый Год? — спросила она, не давая себя отвлечь от основной мысли.

Она положила палец на Старый Год, созданный усилием моей фантазии:

— Что мы с ним будем делать?

Я заплесал на краю пропасти.

С выданным из журнала стариком было легко расправиться: он сам рвался в могилу. Пробьет двенадцать, и он нырнет в нее охотней, чем рыба в прорубь. А вот куда девать паренька, которого ты сам только что назвал «Старый Год» и заставил впервые перекрыть норму?

Вот что значит не проработать до конца новой идеи.

— А из твоего Старого Года что мы теперь наделаем? — спросила Ниночка.

Нить, на которой висел мой авторитет, сделалась тоньше волоса.

— Мы из него сделаем... диаграммы, — сказал я.

Я показал на стену. Мы были в кабинете отца Нины, известного инженера.

— Палочек? — быстро спросила Ниночка.

Я не ожидал, что она так легко откликнется на мою выдумку.

— Палочек. Вот эта палочка показывает, сколько у нас было добра в тридцать третьем году; эта — сколько в тридцать четвертом. А из Старого Года мы нарежем еще более длинные палочки — для тридцать пятого. Видишь: какая горка?

Я показал ей навосходящую кривую наших побед в области металлургии.

— Горка? — спросила она. — Мы из него сделаем горку. — Старый Год уже перестал существовать для нее как вопрос.

— С Новым Годом! — крикнула уходя Ниночка.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

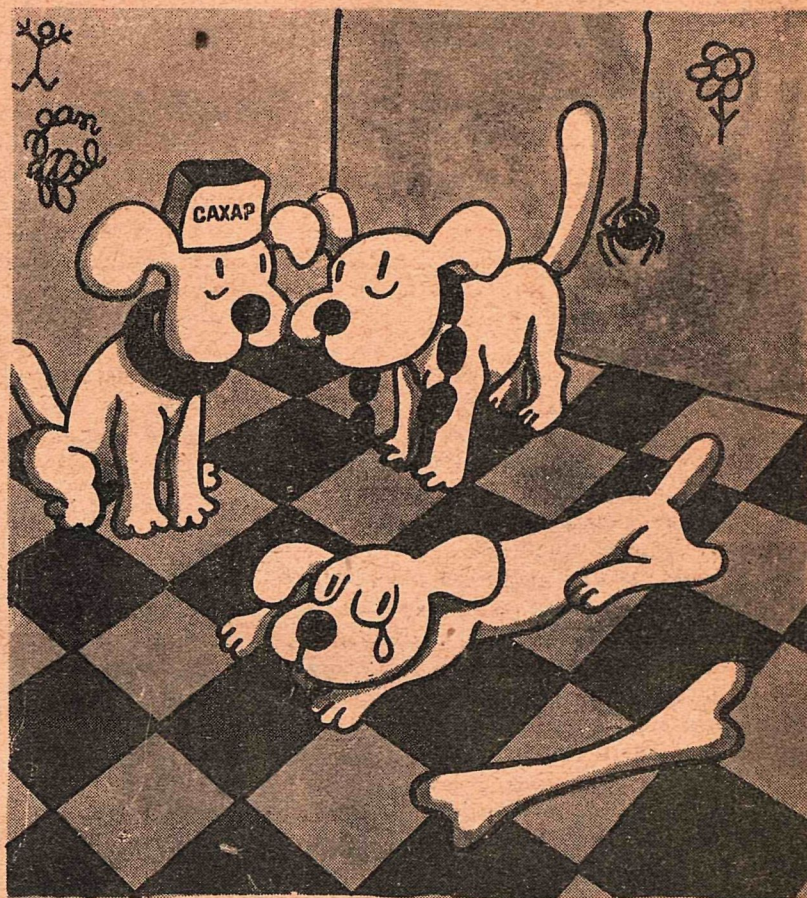
МАЛЬЧИК И БЮРОКРАТ

(Б А С Н Я)

Задорный, шустрый паренек
Имея всего один конек,
Но чемпионом стать стремился.
Он на одном своем коньке
Летел однажды по реке.
Вдруг лед на речке подломился.
Тропой прибрежной в акурат
Шел в это время бюрократ.
Вдруг видит он: ребенок тонет.
А детский крик кого не тронет.
И бюрократ, от слез кряхтя,
Воскликнул:
«Бедное дитя!
Ну поразмысли: разве можно
Кататься так неосторожно?
Здесь так легко пойти ко дну.
Ведь лед у берега так тонок!»
«Тону! Спаси меня! Тону!»
Дай руку мне!» — вскричал ребенок.
Но бюрократ вздохнул печально:
«Я огорчен необычайно...
Помочь я рад бы, мой родной,
Но я сегодня — выходной!..»

ВЛ. МОГОЛЬ

Рисунки Жана Эффель (Париж)

— Чтобы этого больше не было: выходить в будни воскресном противогазе!

— Не мешайте ему... Он собирается нарядиться костью.

КАК В АНГЛИИ ПРОДАТЬ КАРТИНУ

В Англии художник велен писать все, что ему угодно; это я заявлю с гордостью. В Англии лишь трудно продать картину.

Для продажи вам требуется покупатель — человек, который имеет деньги и которого вы можете убедить отдать вам часть денег за вашу картину. Такого человека не легче взять на прицел, чем дикую антилопу.

Обыкновенно, если люди имеют деньги, они предпочитают тратить их на курортах, проигрывать или пускать на разводку на биржу.

Чтобы напасть на такую дичь и всучить ей картину, нужно ее проследить до самого ее логова и затем ей понравиться.

Вам придется гоняться за ней по ее следам, может быть, целый год, пожирая пространства: Лондон — Шотландия — Швейцария. Вам придется обзавестись дорогим платьем и постичь скользкие тайны бриджа. Вы овладеете языком и мышлением антилопы и будете преследовать ее по ночам во фраке.

Иногда вы сумеете сэкономить на столе и квартире, проживая у ней на правах гостя, но вас будут истощать чаевые дворецкому, который иначе сможет испортить ваше существование.

Директор Художественной галереи мистер. Инд, авторитет по искусству, говорит следующее:

«Покупка картин — только вопрос привычки. Вы должны к ним привыкнуть, как к платью. Покупая костюм, мы легко переходим с 15 фунтов на 20 и даже на 50, но картина нам все еще кажется роскошью, хотя она крайне важна для нашего воспитания. Вообразите массу картин — целую гамму чувств, которые в состоянии преобразить вас по вашему вкусу не хуже платья. Смотрели ли вы когда-нибудь на картину с точки зрения одежды?»

Подобными осторожными рассуждениями вам удастся поднять первую тень любопытства в душе вашей дичи. Затем, вы приглашаете ее на чай — лучше неоднократно, — устраиваете ей обед с вином и увлекаете ее в театр. Вы доставляете ей всякие развлечения, упоминая о вашей картине лишь вскользь; всякий прямой намек на этой стадии охоты будет фатальным.

Если вы представительный молодой художник — без чего вам лучше совсем не браться за дело, — вы начинаете сопровождать вашу дичь на приемы и выставки, не оставляя ее ни на день без вашего вызова к телефону. Вы с сочувствием выслушиваете все ее жалобы на прислугу, на мужа, на родственников. Вы держитесь наготове, чтобы подать ей всякое утешение во всем, в чем она может нуждаться в отсутствии ее обычных поклонников.

И вот тогда вы сможете помахать перед ее глазами картиной. Если она стреляный воробей, — а таких большинство, — вам лучше тогда же привыкнуть к мысли, что картину придется уступить ей фунтов на десять ниже вашего минимума.

Вы посылаете ей цветы и, не давая остыть, тащите ее в кино, на свежие фильмы, на выставки мод и собачьи выставки.

Доведя ее до состояния гипноза, вы извлекаете из нее чек. Потом вы бежите напрямик в кассу. Погашаете самые срочные ваши долги. Забираете в кредит свежего полотна и красок и затем начинаете писать следующую картину.

ПИРЛ БАЙНДЕР (Лондон)

Иллюстрации автора

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ

„Злость сквозь жир“

В «Литературном современнике» прочитал поэму Глеба Чайкина «Ибрагим Бек».

Приведу несколько отрывков:

И глазки эмира
На миг промокли
Сквозь жир, выделяя злость.

Ездит бек без труда,
Широчен костью.

Дружка дружку гложут взглядом
Все пути религии.

Водонос бурдюком
Мулит плечи.

На стали гранной
Басмач обвис.

Бек давно ее заметил,
Как кувшин являлся светел...

И так далее... На каком это языке написано?

Не по плечу такие мне нагрузки:
Перевести бы Чайкина на русский!

ПИСАТЕЛЬ ПОЧИТЫВАЕТ

Оригинальный литературный трюк придумал Борис Пильняк в недавно вышедшем сборнике рассказов под общим названием «Рождение человека».

Вот какую концовку нашел я в «Рассказе о вещах»:

Читатель должен дополнить рассказ своими главами.

Если так пойдет дальше, мы в следующей книге Пильняка можем встретить вместо рассказа один только заголовок со сносой:

Читатель должен придумать к данному названию интересное начало, захватывающую середину и неожиданный конец.

Прошло то время, когда «читатель почитывал» — пускай он придумывает рассказы, а почитывать их будет писатель Пильняк.

ПЕРЕВОД С ТАРЛОВСКОГО

Знаю поэта Марка Тарловского как переводчика не только с грузинского, но даже с якутского.

Но, ознакомившись с его книгой «Рождение родины» (Гослитгиздат, 1935), нахожу, что означенному поэту иногда не мешает переводить также и с тарловского.

Что это значит:

Рву я небо и там и сям,
Гордый поясками отплат...

Гортанно-песенная резь...

Терпят, и служат, и стонут с натуги
Скрепсы квадрата, решенного в круге...

Разве не дует нам техника в лоб?

Завод гудя заходит волку в тыл,
От чьих концертов позвоночник ныл...

Женил вас на этой он даме,
Вы влезли в нее головами
И дергались в ней до утра...

Этот страх — только маленький страхик
В перспективе умчавшихся лет...

«Отплат», «песенная резь», «скрепы квадрата, решенного в круге» — эти слова навевают не «маленький страхик», а большой страх.

Я хотя и не специалист по эпиграммам, но от страха чего не напишешь:

Тебя читаю я, Тарловский,
И мыслю: это по-каковски?

С ДИСПУТА О ПОРТРЕТЕ

Я картина, ты портрет,
Ты скотина, а я нет.

(Стихи неизвестного гимназиста
конца XIX века)

Не столь давно в хронике происшествий вечерней газеты была напечатана такая заметка:

«Художник X, поссорившись с бухгалтером Z, набросился на последнего и откусил ему нос. Пострадавший отправлен в институт Склифасовского».

Крайне заинтересовавшись этой заметкой, мы обратились к одному видному деятелю Московского союза художников за разъяснениями и подробностями. Видный деятель ответил:

— Нос был откушен у бухгалтера Z художником X в результате творческого спора о сумме удержания с художника X полученного им аванса. Ничего особенного в этом инциденте и не вижу. Во время дискуссий между натуралистами и формалистами случаи откусывания носов и ушей бываюи неоднократно.

Прошайся, деятель прибавил:

— Завтра начинается диспут о портрете. Приходите и вы, убедитесь в правильности моих слов.

Нас привлекла самая тема диспута. Хороших портретов на наших выставках — мало. Иные художники выдают за творческие искания свой послеобеденный тяжелый сон. У таких конкретный кузнец Егоров оказывается на портрете похожим на тыкву в разрезе. В руках кузнец-тыква обычно держит красную розу — символ новой культуры.

Другие поступают проще. Они берут фотографическую карточку конкретного кузнеца Егорова, увеличивают ее, и полученный портрет от руки раскрашивают красками. Этот творческий процесс хорош уж тем, что в нем может участвовать вся семья художника, включая его семилетнего сына Сюсю и домашнюю работницу Парашу.

Продолжая диспут о портрете девять дней и девять ночей.

Как известно, схема нормального диспута такова: на трибуну выходит докладчик и произносит свой монолог; затем по одному вылезают оппоненты и в меру своих способностей ругают докладчика, а с мест им подают реплики.

На диспуте о портрете эта схема была поставлена вверх ногами. Сама публика хором

ПО НЕДОСМОТРУ

Раскрывая № 12 журнала «Резец», натолкнулся на листочек бумаги, где было напечатано:

ОТ РЕДАКЦИИ:

По недосмотру редакции в этом номере «Резца» напечатано стихотворение Л. Ратновского, уже помещенное в № 11 журнала.

На виновного в этой оплошности сотрудника редакции наложено взыскание.

Надо было бы заодно наложить взыскание также и на сотрудника редакции, виновного в другой оплошности, а именно — в помещении стихотворения Л. Ратновского в № 11 журнала.

вела диспут, а выступавшие оппоненты успевали лишь изредка бросать реплики, которые тут же подхватывались одной половиной зала с одобрением, а другой — с омерзением. Поэтому картина диспута внешне напоминала выступление усиленного состава джаз-бэнда.

Самое же замечательное в диспуте о портрете было то, что о портрете как таковом выступавшие совсем не говорили: все споры велись вокруг общих вопросов искусства, до сих пор волнующих изобразительный фронт. Даже свое заключительное слово докладчик Бескин вынужден был посвятить этим общим проблемам, а о портрете же заговорил лишь тогда, когда у него до истечения отпущенных ему сверхсрочных двадцати минут осталось десять. Следовательно, из девяти дней диспута о портрете беднейшему портрету едва ли досталось пятьдесят минут.

Случаев откусывания носов, ушей, выкручивания рук, отрывания ног и вырывания волос нами зарегистрировано не было. Однако художник-натуралист Пшеничников, полемизируя с тов. Дейнека, заявил, что культура Запада — это культура галстуков, и тут же призвал своих верных дружинников повесить Дейнека на его действительно красивом галстуке. Но, быв назван «вандалом» и «варваром», опомнился и рыча слез с трибуны.

Что же все-таки конкретного было сказано о портрете на диспуте, посвященном портрету? Все можно свести к трем положениям:

1. Портрет должен быть хорошим.
2. Нужно и можно учиться у стариков. При этом у стариков нужно брать только хорошее. Плохое у стариков брать не нужно.
3. Нам нужны свои молодые, хорошие старики. Плохие молодые старики нам ненужны.

Когда мы уходили с диспута, мы услышали, как один пожилой художник задумчиво сказал другому художнику:

— Странно! Рембрандт и Вандейк обходились без диспутов, а между тем писали замечательные портреты.

В конце концов даже неплохо, что девять дней и девять ночей лучшие художники столицы спорили и ссорились по общим вопросам искусства. Из споров, как известно, рождается истина. Нам лишь хочется, чтобы роды состоялись по возможности скорее и чтобы новорожденная истина оказалась не новым диспутом, а прекрасным реалистическим портретом человека нашего времени.

Иначе не стоит и диспуты городить!

В ВЕСТФАЛИИ

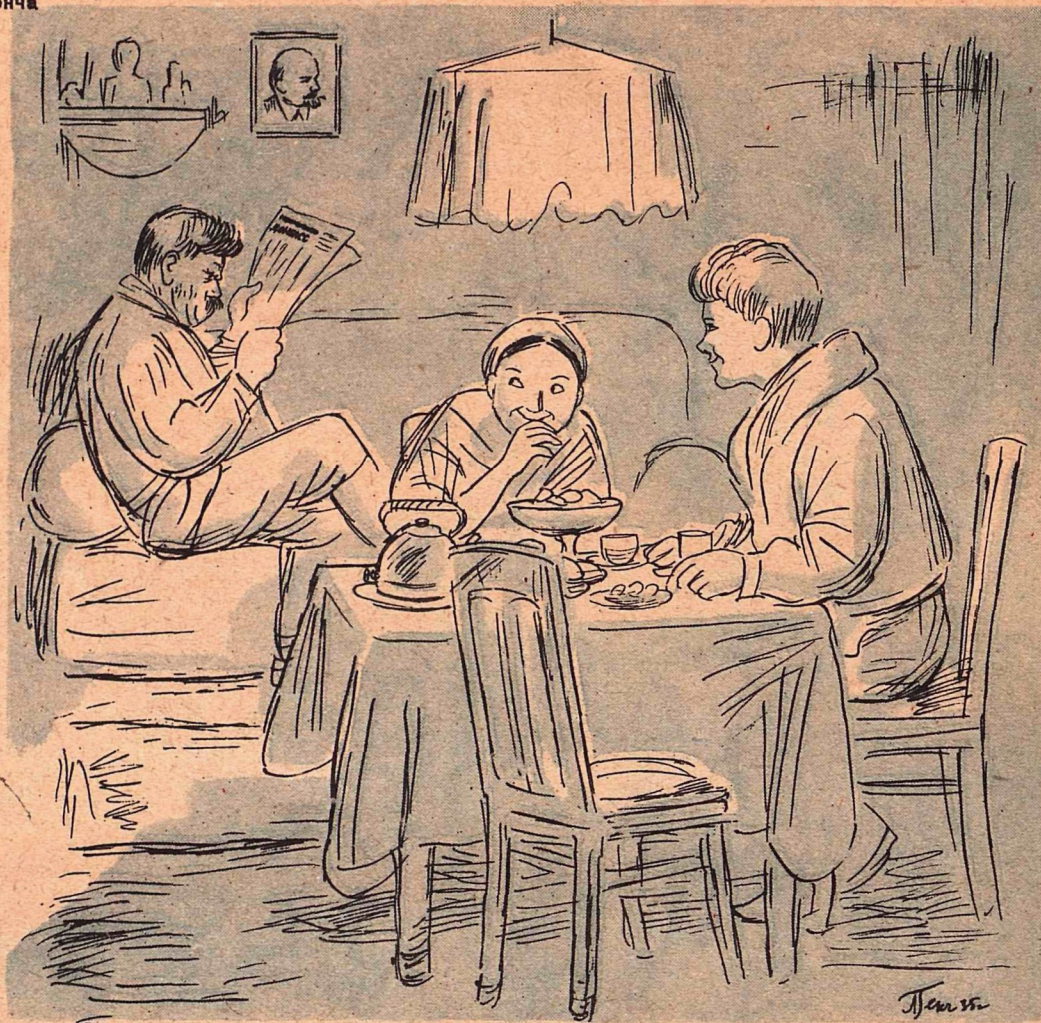
Руководитель „Трудового фронта“ доктор
Лей успокаивает рабочих тем, что не следует
обращать внимания на недостаток жиров
и мяса, ибо это вполне компенсируется тем,
что Германия снова имеет вооруженную армию.

Рис. Ю. Ганфа

— Эх, последняя свинья оставалась в нашей деревне, да и та погибла патриотической
смертью под танком.

Рис. Л. Генча

Папе просто неприятно,
По лицу у папы пятна.
Говорит: — Послушай, мать...
Нет, уж это слишком!..
Перекрыл меня опять —

Кто, снажи?... Мальчишка!
А мальчишка дуёт в блюдец,
Тянет чай и ни гу-гу.
Дескать... надо подтянуться,
Если хочешь — помогу.

И. У

будила бы их от вечной
спячки.

С. ВОЛЫНСКИЙ

Казахстан

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Несмотря на то что мы, 78 глухонемых, обладаем нормальным зрением, руководители курской центральной электрической станции распорядились, чтобы в нашем обществе свет горел только до шести часов вечера.

Из-за отсутствия света после шести часов вечера срывается также работа в швейной мастерской и в фотографии, находящихся в доме Общества глухонемых.

Правильно ли, что по отношению к нам, глухонемым, работники электрической станции и глухи и немые?

ГРУППА ГЛУХОНЕМЫХ
Курск

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

У нас в аптеках развешены лозунги: «Чистота зубов — залог здоровья». Наши магазины также полны готовности помочь покупателю насаждать культуру в быту: здесь имеется большой выбор зубного порошка и зубной пасты. Правда, зато у нас нигде нельзя найти зубной щетки, но я считаю, что это уж не так важно. Вот только не знаю, какой способ считается наиболее культурным: когда чистишь зубы пальцами, или когда лозунгами.

М. УДОВИЦА.

Керчь

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Пишет тебе группа школьников, собственно, пишу по ее поручению один я, так как у остальных пальцы в занозах.

Не думай, что это — следствие драки или плохого поведения. Объясняется это тем, что все они приобрели пеналы, выпущенные артелью «Прогресс» (Белоруссия).

Пеналы сделаны из сосны, дерево сплошь сучковатое. Пользующиеся такими пеналами школьники ранят пальцы из-за многочисленных заусениц.

Вот сейчас группа пострадавших школьников окружает ня, а я пишу тебе письмо, совсем как на картине Репина «Запорожцы».

Хорошо еще, что я не приобрел пенала с заусеницами,

иначе и мне пришлось бы быть в числе диктующих это письмо...

КОСТЯ КРЫЛОВ

Минск

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Тебе, очевидно, уже порядком надоели перевранные телеграммы. В свое время ты приводил их на своих страницах в поучение телеграфистам.

Сообщаем тебе несколько свежих фактов, которые, к сожалению, нельзя назвать анекдотами.

Из Кустаная недавно была отправлена следующая телеграмма, адресованная Казахстанскому ЦИК:

«Вопрос, которым интересуется правительство, будет заслушан 90 декабря».

Телеграмма из Сергиополя алмаатинскому птицеводтресту:

«На 1 ноября свиное поголовье достигло 61 головы, в том числе фруктов 13 и молодняка 8».

Очередную передачу политической информации ТАСС разгильдяй-телеграфист прерывает словами «Саша, я пойду спать», и с этой вставкой телеграмма приходит в редакцию!

Все эти... «90 декабря» и «поголовья фруктов» объясняются тем, что телеграфисты не «идут спать» тогда, когда полагается, а спят в то время, когда надо бодрствовать.

Товарищ Крокодил, пошли нашим ротозеям-телеграфистам телеграмму, которая раз-

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

По какой статье наших уголовных законов можно разлучить дядю с племянником или бабушку с внуком? Это далеко не праздный вопрос, потому что директор Азербайджанского индустриального института (в Баку) тов. Пташка издал распоряжение, которым запрещает студентам, живущим в общежитии, принимать у себя родственников. Теперь мы принимаем их у себя на дворе или ведем с ними родственные разговоры через окна. Напиши нам, будет ли это серьезным нарушением законов, если мы начнем впускать к себе родственников тайком ночью, по веревочной лестнице. Хочется же повидаться, а как быть, если тов. Пташка против?

Баку

Н. КУЛАГА

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ОБЕТ БЕЗБРАЧИЯ

Председатель колхоза имени Я. Петрова (Городецкий район, Горьковского края) Павлов послал на курсы бригадиров колхозницу Павлину Ромашеву. Перед отъездом бедная Павлина подписала такой документ:

Обязуюсь в течение двух лет со дня окончания курсов не выходить замуж.

Этой распиской «сумный» председатель хотел закрепить за колхозом

имени Я. Петрова хорошую работницу Ромашеву.

Рекомендуем городецким колхозникам отныне звать своего председателя игуменом. Что касается жениха Павлины Ромашевой, — то не стесняйтесь, товарищи, сватайтесь. А на обороте ее обета безбрачия напишите записку игумену Павлову с приглашением на свадьбу. Пусть позлится!

СОБАЧЬЕ ОТНОШЕНИЕ

У агронома Ревина из Шахматовской МТС была собака. Он ее любил. Однажды она съела кусок мяса и убежала в степь. Почему? Кто их, собак, разберет! Может быть, ее пригласили в гости собаки с соседнего хутора.

Убитый горем работник земли и леса был безутешен. Рыдая он потребовал у директора МТС Гришаева полуторатонку — мчаться в степь, искать беглянку. Полуторатонку агроному дали. Почему не дать, если машина свободна?

Но в последний момент прибежал бухгалтер Герасименко и заявил, что машину нужно срочно гнать в Бузулук, в нефтебазу.

— Не получим завтра горючего — и тракторы останутся, — тревожно сказал предусмотрительный бухгалтер.

— Чорт с ними с тракторами! — ответил Гришаев. — Садись, главный, с нами. Айда в степь — собачку ловить.

За собакой агронома гонялись по степи семь часов. Тракторы стояли без горючего два дня.

Хорошее отношение к собакам у Гришаева и Ревина идеально сочетается с собачьим отношением к делу и государственному имуществу.

СЛУЧАЙ С ФИГАРО

До сих пор герои художественных произведений жили и действовали по произволу своих авторов. Что автору вздумается, то он и делает с героем: либо убивает, либо унижает, либо женит его и т. д. Можно сказать, что в этом отношении все герои на один покрой: они покорно подставляют свои головы под неумолимое перо автора.

Тот же Фигаро, герой комедии Бомарше «Женитьба Фигаро», вот уже 150 лет только тем и занят, что женится по велению автора. А вот газета «Социалистический Донбасс» № 282 (1011) от 6 декабря в отделе «Хроника искусств» сообщила своим читателям:

КРАМАТОРСКИЙ ТРАМ ГОТОВИТ СЕЙЧАС ПОСТАНОВКУ „ЖЕНИТЬБА БОМАРШЕ“ ФИГАРО.

Нам кажется, что «Социалистическому Донбассу» следовало бы все-таки запросить на этот счет самого Бомарше, согласен ли он жениться.

В КОЛЫБЕЛЬ РЕДАКТОРА

Баймакская газета «За цветные металлы» через день угощает своих читателей сатирическими стихами некоего Че-те.

Здорово пишет баймакский Ювенал. Не щадит ни пола, ни возраста, ни чина, ни звания. Попался ему, например, на глаза председатель рудкома Уметбаев, у которого нет стахановцев, и Че-те гневно советует бедному профработнику:

«Хоть бы самого себя возвел в стахановцы!»

А затем стегает Уметбаева такими стишками.

«Спи рудкомец Уметбаев,
Баюшки-баю.
Кой-кого еще подбавим
В колыбель твою.
Спите вы: один в рудкоме,
А другой в хмелю,—
Мы вас не побеспокоим,
Баюшки-баю!»

Прочтешь такие стихи, и сразу станет ясно, что спит не только рудкомец Уметбаев, но и редактор газеты «За цветные металлы». В редакционную «колыбель», несомненно, нужно «кое-кого подбавить».

ПОТЕРЯННОЕ ПЕРВЕНСТВО

Рис. А. Топикова

- В эту зиму впереди всех по снегодержанию наш колхоз.
- А в прошлую зиму кто был?
- Станция. Там паровозы прямо в снегу застревали.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГИН В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 72.

Сдача текста и рисунков 20/XII—35 г.

Подп. к печ. 31/XI—35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—17093.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2677

Тираж 350 000.

Рис. М. Храпковского

23 ЯНВ 1936

50
11 ЯНВ 1936
Музей-заповедник
Ленинградский музей-заповедник

— А вечером пойдем в городской сад, посумерничаем.
— Посумерничаете у нас! Разве вы не знаете, что в текущем квартале фонарей в нашем городе на 228 и две десятых процента больше чем в предыдущем...

11.11
11.11